

ДОКУМЕНТАЛЬНІ ДЖЕРЕЛА

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ ПОЛИТИКЕ ГЕНОЦИДА: НАУМ МОНАСТЫРСКИЙ – УЗНИК ЖМЕРИНСКОГО ГЕТТО И УЧАСТНИК ПОДПОЛЬНОЙ ГРУППЫ

Судьба еврейского народа в годы Второй мировой войны освещается во многих публикациях в Украине начиная с 80-х гг. минувшего века. В центре внимания большинства исследований по проблемам Холокоста были и остаются преследование евреев нацистским режимом, заключение их в гетто и лагеря, массовое уничтожение. Участие евреев в сопротивлении до сих пор оставалось как бы на периферии исследовательского интереса. Однако в последнее время украинские историки внесли значительный вклад в историографию антинацистского еврейского сопротивления, а также в преодоление общественных предубеждений, опровержение стереотипных представлений о евреях как о народе-жертве¹.

¹ Авербух С. Предчувствие Катастрофы // *Голокост і сучасність*. – 2003. – № 3 (9). – С. 15; Боровой С.Я. Гибель еврейского населения Одессы во время румынской оккупации // Катастрофа і опір українського єврейства (1941–1944): Нариси з історії Голокосту і Опору в Україні (далеє – Катастрофа і опір). – К., 1999. – С. 118–153; Володарская И. А. Уничтожение евреев Западной Волыни в 1941–1944 г. // Там само. – С. 202–225; Гошкіс Д. Незагоєна рана. – Славута, 1996. – 124 с.; Губенко Г. Книга печали. – Симферополь: Редотдел крымского управления по печати, 1995. – 129 с.; Деко О. Кедойшім: Повесть-хроніка Шепетівського гетто. – К., 1995. – 110 с.; Елисаветский С.Я. Полвека забвения: Евреи в движении сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941–1945). – К.: АО фирма «ВИПОЛ», 1998. – 399 с.; Его же. Об источниках и историографии проблемы участия евреев в антифашистском вооруженном сопротивлении в Украине в 1941–1944 гг. Авторский вариант исследования и использования источников и литературы // Катастрофа і опір. – С. 286–297; Еврейський опір в Україні в період Голокосту. Зб. наук. ст. / Ред. М.І. Тяглий. – Дніпропетровськ: Центр «Ткума», 2004. – 376 с.; Живыми остались только мы: Свидетельства и документы / Ред.-сост. Б. Забарко. – К.: Задруга, 2000. – 575 с.; Жизнь и смерть в эпоху Холокоста: Свидетельства и документы / Ред.-сост. Б. Забарко. –

Тем не менее, потребность в изучении источниковой базы о судьбе евреев во Второй мировой войне, особенно на региональном уровне, остается актуальной. Отметим, что недостаточно исследованным вопросом остается сопротивление евреев на оккупированных территориях, в гетто, их участие в вооруженном сопротивлении – в подполье и партизанских отрядах.

Некоторые зарубежные ученые отрицают существование собственно еврейского сопротивления на оккупированных нацистами территориях СССР, аргументируя это тем, что евреи здесь не были организованной общностью, не жили общинной жизнью, а потому они просто влились в антигитлеровское подпольно-партизанское движение, как и все советские граждане. По нашему мнению, категоричность в этом вопросе является не вполне корректной.

Анализируя историографию Катастрофы, в частности, в отношении определения и характеристики «аида» и «хитнагрут» (сопротивления и стойкости. – *ивр.*), историк Дан Михман отмечает, что многое из воспринимавшегося ранее как бесспорное, ныне оказывается не столь ясным, однородным, особенно в плане нравственных категорий. Он приходит к выводу, что обсуждение форм сопротивления усиливает необходимость серьезно изучать сохранившиеся свидетельства, особенно жертв, а не полагаться только на официальные документы, при этом постоянно пересматривать существующие концепции².

Кн. 1. – К.: Дух і літера, 2006. – 524 с.; История Холокоста на территории СССР в годы Великой Отечественной войны: Пособие для учащихся. – М.: НПЦ «Холокост», 1995. – 161 с.; Коваль М. Нацистський геноцид щодо євреїв та українське населення // *Укр. іст. журн.* – 1992. – № 2. – С. 25–32; Ковба Ж. Людяність у безодні печла: Поведінка місцевого населення Східної Галичини в роки «остаточного розв'язання єврейського питання». – К.: Інститут юдаїки, 1998. – 268 с.; Левітас Ф. Євреї України в роки Другої світової війни. – К.: Вирий, 1997. – 272 с.; Его же. Проблема єврейського сопроотивлення Холокосту: рефлексії // *Ткума*. – 2003. – № 3 (34). – С. 4; Ляховицкий Ю. Попранная мезуза. Книга Дробицкого Яра. – Харьков: Основа, 1991. – 192 с.; Перишина Т. Фашистский геноцид на Украине 1941–1944. – К.: Наукова думка, 1985. – 170 с.; Подольский А. Катастрофа европейского еврейства: религиозный аспект // Катастрофа і опір. – С. 278–285; Его же. Дослідження історії Голокосту в сучасній українській історіографії: нові підходи // *Історики*. – 2000. – № 6. – С. 100–113; Его же. Євреї України в роки нацистської окупації: Спроба історіограф. нарису // *Хроніка: Український культурологічний альманах*. – К., 1998. – С. 392–399; Сушон Л. Транснистрия: євреї в аду. Чорна книга о Катастрофе в Северном Причерноморье (в воспоминаниях и документах). – Одесса: РИО АО кинокомпания «ЮГ», 1998. – 432 с.; Хонигсман Я. Катастрофа еврейства Западной Украины: Евреи Восточной Галиции, Западной Волыни, Буковины и Закарпатье в 1933–1945 гг. – Львів: Б. в., 1998. – 350 с.; Чайковский А. С. Невідомо війна: Партизанський рух в Україні 1941–1944 рр. мовою документів, очима історика. – К.: Україна, 1999. – 256 с.; Щурак І. Голокост в Україні: пошуки відповідей на запитання історії. – Дніпропетровськ: Центр «Ткума», 2005. – 148 с.

² Михман Д. Еврейское сопротивление во время Катастрофы и его значение: теоретические наблюдения // *Его же. Историография Катастрофы: Еврейский взгляд: концептуализация, терминология, подходы и фундаментальные вопросы / Пер. с англ.* – Днепропетровск, 2005. – С. 256–259, 271–272; 241–243, 263, 265–266.

Проблеме участия евреев Винницчины в антинацистском сопротивлении посвящен второй том трехтомного издания «Евреи Винницчины в период Второй мировой войны. Малоизвестные факты и новые интерпретации»³, который в настоящее время готовится к изданию. Дополняя существующую базу новыми документами, в частности, «устной историей», составитель считает основной задачей верификацию полученной информации и воссоздание целостной картины, лишенной аберраций, вследствие содержащихся в советских документах тенденциозных идеологических оценок, завуалированности и умолчания – с одной стороны, и «сбоев» памяти (многие респонденты – люди пожилые), предвзятости и влияния чувств на изложение фактов – с другой.

Свидетельства и воспоминания, верифицированные путем неоднократного сопоставления с другими источниками, ценны, на наш взгляд, тем, что отражают «дух эпохи» через восприятие человека со стереотипами, личностным отношением к фактам, явлениям, событиям, соответствующим или противоречащим устоявшимся и зачастую навязанным идеологией штампам.

Для подобных документов характерны внимание к нравственным ценностям, мотивации выбора, переоценка личного и общественного опыта, неоднозначность, стремление объяснить поступки свои и окружающих и передать знание об описываемых событиях не в общих чертах, а со множеством подробностей, облекающих отдаляющуюся реальность в «плоть и кровь» бытия.

* * *

Винницкая область была разделена на две зоны оккупации: немецкую, входившую в состав рейхскомиссариата Украина – Житомирский генеральный округ; румынскую – территорию между реками Южный Буг и Днестр, именуемую Транснистрией, в которых политика по «еврейскому вопросу» имела отличия; отличались также и некоторые формы участия евреев в сопротивлении. Например, в румынской зоне оккупации в гетто⁴ создавались подпольные антинацистские группы, антинацистскому

³ Евреи Винницчины в период Второй мировой войны: Малоизвестные документы и новые интерпретации: В 3 т. / Сост. Ф.А. Винокурова. – Т. 3. – Винница: Антекс, 2000. – 336 с.

⁴ На территории области, в румынской зоне оккупации было организовано 112 гетто, колоний и поселений для депортированных и местных евреев. В частности, лагеря и гетто распределялись по уездам так: в Могилеве – 67, Тульчине – 21, Джугастр (Ямполь) – 10, во входившей в уезд Балта Бершадской волости – 24 (Государственный архив Российской Федерации (*далее* – ГАРФ), ф. 7021, оп. 54, д. 1258, л. 4; Державний архів Вінницької області (*далее* – ДАВО), ф. П-136, оп. 13, спр. 96, арк. 6–8; ф. Р-1683, оп. 1, спр. 16, арк. 6–10; спр. 10, арк. 219–220; спр. 13, арк. 46; спр. 28, арк. 4; ф. Р-3095, оп. 1, спр. 225; ф. Р-4422, оп. 1, спр. 37, арк. 14; *Левит И.* Пепел прошлого стучит в наши сердца. Холокост. – Кишинев, 1997. – С. 3.

сопротивлению активно содействовали общины Бершадского, Жмеринского, Ольгопольского, Шаргородского и других районов⁵.

Административно-территориальный фактор определял как особенности оккупационного режима, взаимоотношения в среде узников гетто и трудовых лагерей, так и специфику форм антинацистского сопротивления.

Винницкая область показательна в этом отношении тем, что сюда были депортированы евреи, чья жизнь до войны отличалась от жизни местных евреев, не осознававших себя никем иным, как советскими гражданами.

Вниманию читателя предлагаются воспоминания Наума Монастырского, 1928 г. рождения – бывшего узника Жмеринского гетто, участника антинацистского подполья. Ныне Наум Петрович – пенсионер, живет с семьей в г. Цюрупинске Херсонской области. Рукописные воспоминания респондента, полученные в 2000 г., отложились в личном фонде публикатора⁶ в Государственном архиве Винницкой области и были введены в научный оборот при формировании источниковой базы для подготовки второго тома трехтомного издания «Евреи Винниччины в период Второй мировой войны...».

Из 34 свидетельств и воспоминаний бывших узников Жмеринского гетто, находящихся в архиве публикатора, воспоминания Наума Монастырского – наиболее полные. С позиции жизненного опыта и переосмысления событий он достаточно полно освещает жизнь в гетто, уделяя внимание взаимоотношениям в среде местных и депортированных румынских евреев, находившихся в Жмеринском гетто, неоднозначной фигуре шефа (начальника) Жмеринского гетто Адольфа Гершмана; трагедии брайловских евреев, происшедшей в августе 1942 г.⁷

Следует особенно подчеркнуть: именно модель Жмеринского гетто, расположенного на территории уезда «Могилев», была уникальной в плане сохранения внутриобщинных связей и присущей традиционному еврейскому быту духовности. Инструкция по организации гетто датирована октябрём 1941 г. – тогда здесь были собраны евреи Жмеринки и сел Жмеринского

⁵ Центральный державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГОУ), ф. 62, оп. 1, спр. 184, арк. 69–71; Центральный державний архів вищих органів влади та управління України (далее – ЦДАВОУ), ф. КМФ-8, оп. 1, спр. 38, арк. 123; ф. 3206, оп. 1, спр. 6, арк. 2–5; спр. 7, арк. 2, 12, 23; ДАВО, ф. Р-2966, оп. 2, спр. 691, арк. 1–2; ф. Р-2988, оп. 4, спр. 1, арк. 1–2; ф. Р-4422, оп. 1, спр. 5, арк. 2; Державний архів Одеської області (далее – ДАОО), ф. Р-1820, оп. 1, спр. 40, арк. 127; ДАВО, ф. П-425, оп. 1, спр. 25, арк. 190; спр. 45, арк. 311–313; спр. 210, арк. 1–16, 17–39; спр. 211, арк. 1–37; спр. 212, арк. 1–85; спр. 214, арк. 1–21; спр. 454, арк. 9–10; спр. 455, арк. 11–12 зв.; спр. 575, арк. 1–2; ф. Р-6023, оп. 4, спр. 633, арк. 21–23, 36–39, 41; спр. 15950, арк. 13–14 зв.; ДАОО, ф. Р-1820, оп. 1, спр. 411, арк. 127.

⁶ Источники и документы по истории Холокоста в Винницкой области, собранные публикатором за годы его профессиональной деятельности, были переданы им в Государственный архив Винницкой области, где составили отдельный фонд Р-6121 (фонд Винокуровой Ф.А.).

⁷ ДАВО, ф. Р-6121, оп. 2, спр. 7, арк. 1–29.

района. Шефом гетто (так в документе) румынская власть назначила буковинского еврея – доктора права из Черновиц Адольфа Гершмана. Гетто начало функционировать с 18 ноября 1941 г., и с первых дней его существования Гершман сумел наладить контакт с начальником Жмеринской румынской жандармерии Ионеску. Пригодилось Гершману и то, что он в совершенстве владел немецким и румынским языками.

Несомненно, жизнь, пусть и в определенной степени приемлемых условиях Жмеринского гетто, была ежедневным испытанием и таила смертельную опасность для всех узников. Так, сразу после создания гетто и объявления приказа № 121 румынские оккупанты замучили зубного врача Меламуда⁸. Зная, что инструкция о соблюдении режима в гетто предписывала расстреливать лиц, нарушивших установленный порядок и режим, а вместе с ними еще и 100 евреев гетто, д-р Гершман, по свидетельству очевидцев, всегда ожидал у ворот, пока не вернется последний из работавших за пределами гетто. Приведенный факт убеждает в небезразличном отношении Гершмана к сохранению жизни евреев, в том, что он ощущал личную ответственность за это. Гершман обязывал более обеспеченных жителей гетто помогать бедным. Так, семья Штенбергов ежедневно готовила котел супа и котел второго блюда для бедняков и беглецов с оккупированной территории. Таких было немало: по Виннитчине распространились слухи о том, что в Жмеринке евреев не убивают, и сюда потянулись люди со всего края, в том числе спасшиеся от акций уничтожения, красноармейцы, бежавшие из немецкого плена. Для них и для детей-сирот в гетто организовали бесплатную столовую.

Медико-санитарный отдел Жмеринского гетто под личным контролем Гершмана добился того, что здесь, несмотря на скученность проживания, не было ни единого случая сыпного тифа, строго соблюдались требования санитарии. В гетто имелись еврейский детский сад и школа-десятилетка⁹.

По этому поводу стоит вспомнить высказанную в «Черной книге» мысль о том, что социальная и культурная жизнь в гетто была идейным протестом против попыток свести жизнь до удовлетворения биологических потребностей, и это часто становилось предпосылкой для подготовки к сопротивлению¹⁰.

Разумеется, для восьми тысяч евреев, переживших войну, и их близких, которым удалось сохранить жизнь в значительной степени благодаря личным качествам и усилиям доктора Адольфа Гершмана, он был и останется символом надежды и справедливости. В то же время некоторые представители винницкого еврейства считают его предателем и убийцей невинных людей.

⁸ Там само, ф. Р-1683, оп. 1, спр. 13, арк. 473–474.

⁹ Бурштейн Л. Из истории Жмеринского гетто // *Алеф*. – 1992. – № 447. – С. 40.

¹⁰ Черная книга / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – 2-е изд. – К., 1991. – С. 16–17.

Они обвиняют Гершмана в том, что по требованию румынских и немецких властей он выдал на немецкую территорию 286 беглецов из браиловского гетто (местечко в 8 км от Жмеринки), 248 из них расстреляли в Браилове в августе 1942 г. О браиловской трагедии свидетельствует акт¹¹ Жмеринской районной ЧГК от 20 августа 1944 г.¹² Допускаем, что Гершман не осмелился противостоять этому требованию, так как в случае отказа смерть могла ожидать и его, и других жителей гетто. И все же, когда немецкие солдаты, румынские жандармы и украинские полицаи устроили облаву на браиловских евреев, он сразу начал хлопотать, чтобы немцы разрешили хотя бы накормить арестованных. Из столовой несли большие кастрюли с супом в сарай, где сидели браиловчане, а в пустых выносили детей, стараясь спасти как можно больше¹³.

Не только это трагическое событие оказалось фатальным для д-ра Гершмана – были недовольные среди тех евреев-беглецов из немецкой зоны оккупации, которых он отказался принять в переполненное гетто. В свидетельствах о нем отражены как противоречивые оценки его личности и поступков, так и изоляционизм местного еврейства по отношению к депортированным единоверцам.

Нередко сам факт принадлежности к тем, кто прибыл из несоветской территории, был достаточным основанием для осуждения и неприятия. К примеру, наш респондент Н. Монастырский осуждает Гершмана, так как он был «чужим, а не советским евреем». Воспитанный комсомолом, Н. Монастырский не мог многого понять в жизни Гершмана («и жена была у него, и любовницы...»). Он также считает, что Гершман и его окружение виноваты в гибели браиловских евреев в августе 1942 г., или не сделали всего возможного для их спасения¹⁴. Есть свидетельства, в которых допускается, что беглецов из немецкой зоны оккупации принимали в Жмеринское гетто лишь при условии щедрой mzды со стороны тех, кто искал здесь спасения¹⁵. И одновременно – полное отрицание фактов вымогательства Гершманом платы золотом и другими ценностями¹⁶. Следует предположить, что, вероятнее всего, Гершман платил

¹¹ Этот же документ свидетельствует, что на территории Жмеринского и бывшего Браиловского района немецкими и румынскими оккупантами расстреляно 2046 человек (в т. ч. 1521 еврей), 1432 человека угнано на принудительные работы в Германию, 1106 человек подвергалось арестам, в лагерях советских военнопленных, размещавшихся на территории района, где содержалось более 12 тысяч военнопленных, многие из них умерли от голода и пыток (ДАВО, ф. Р-1683, оп. 1, спр. 13, арк. 472-474).

¹² Там само, ф. Р-1683, оп. 1, спр. 13, арк. 472-474.

¹³ Там само, ф. Р-1583, оп. 1, спр. 13, арк. 473; *Бурштейн Л.* Указ соч. – С. 40.

¹⁴ ДАВО, ф. Р-6121, оп. 2, спр. 7, арк. 4 зв.

¹⁵ Там само, оп. 2, спр. 7, арк. 5; The United States Holocaust Memorial Museum Archives (*далее* – USHMM), RG-31.018M, reel 6.

¹⁶ ДАВО, ф. Р-6121, оп. 2, спр. 30, арк. 3.

румынским властям, дабы они закрывали глаза на пребывание в гетто беглецов из немецкой зоны оккупации, а средства для этого брал у тех, кто, по его мнению, был зажиточнее.

Причиной отказа в поселении в гетто после августа 1942 г. могло послужить то, что немцы силой забрали скрываемых в Жмеринке браилловчан и расстреляли их, а эту трагедию, судя по показаниям Ларисы Бурштейн, шеф жмеринского гетто пережил болезненно¹⁷. Отказывали и потому, что гетто было перенаселено. Впрочем, тех, кого не принимали в Жмеринке, отправляли испытанными и относительно безопасными каналами в другие гетто румынской зоны – в Мурафе и Шаргороде.

В обеих оккупационных зонах власти стремились пресекать и подавлять любые формы сопротивления нацистскому режиму. Одним из директивных документов в этом отношении стал подписанный 23 августа 1941 г. указ имперского министра по делам оккупированных восточных областей Розенберга о вынесении специальными судами приговоров о смертной казни лицам, не повинующимся оккупационным властям. В ход пускались различные приемы: для выявления «неблагонадежных элементов» осуществлялся усиленный паспортный контроль, проводились массовые облавы, расправы с теми, кто был уличен в нарушении установленного «нового порядка». Широко практиковались расстрелы заложников как мера наказания за проявление сопротивления.

В то же время оккупационной властью поощрялось «участие в поимке шпионов, террористов, каких бы то ни было неприятельских агентов... всяких личностей, которые работают каким бы то ни было способом против войск или румынских и союзных властей». В процитированном выше и опубликованном ранее приказе командующего румынскими оккупационными властями корпусного генерала Н. Чуперки еще 9 августа 1941 г. денежное вознаграждение от 2000 до 10 000 лей было обещано каждому, кто станет содействовать выдаче властям «неприятельских агентов». 13 ноября 1941 г. в газете «Вінницькі вісті» было опубликовано воззвание военного коменданта Украины к населению оккупированных территорий. Население призывали выдавать саботажников и партизан, обещая поощрение до 1000 карбованцев и сохранение в тайне имен доносчиков¹⁸.

Рассматривая историю антинацистского подполья на территории Винницкой области в контексте общих тенденций развития подпольно-партизанского движения в Украине, приведем статистические данные регионального характера.

¹⁷ Бурштейн Л. Указ. соч. – С. 42.

¹⁸ ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 54–56; ДАВО, газетно-журнальный фонд, *Вінницькі вісті*. – 1948. – 11 марта.

В сводном отчете о деятельности антинацистского подполья на территории Винницкой области в 1941–1944 гг., утвержденном ЦК КП(б)У 22 марта 1950 г., фигурируют следующие данные: в 212 подпольных формированиях области учтено 2187 участников антинацистского сопротивления¹⁹. Затем количество людей, признанных участниками антинацистского подполья и так называемых «других форм борьбы» с оккупантами, возросло: выполняя постановление ЦК КПУ от 28 ноября 1961 г. «О недостатках, допущенных в учете участников антифашистского подполья и партизанского движения в Украине в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», специальные комиссии дополнительно выявили и взяли на учет 7209 человек²⁰.

В 1970-е гг. появились новые сведения о количественном и качественном составе участников советского антинацистского сопротивления, согласно которым в области в период временной нацистской оккупации таковыми признаны 18 277 человек, в т. ч. 4118 подпольщиков, 8537 партизан и 5509 участников «других форм борьбы» с нацистскими оккупантами²¹.

Ориентируясь на эти цифры, отметим в то же время, что все они не являются окончательными. Простое сопоставление количественных данных свидетельствует, что беспартийных среди участников антинацистского сопротивления было почти в восемь раз больше, чем членов партии. Тем не менее, в послевоенных изданиях все официально признанные группы объявляли коммунистическими и возглавляемыми партийным бюро.

Документы неофициального происхождения, в частности, свидетельства «устной истории», доказывают, что на практике большинство подпольщиков руководствовались не призывами партии, а патриотическими чувствами, высокими духовными качествами, общечеловеческими нравственными мотивами, внутренними побуждениями. Эти же мотивы были типичными и для евреев-подпольщиков, включившихся в борьбу с нацизмом.

Из уточненных данных следует, что всего в советском антинацистском подпольном движении на территории Винницкой области принимало участие более 300 евреев²². Более 70% из них составляли участники антинацистского подполья в гетто «винницкой части» Транснистрии, где оккупационный режим был несколько иным, менее жестоким, чем в немецкой зоне оккупации.

Исследуя тексты свидетельств и воспоминаний, приходим к выводу, что одним из основных мотивов для многих из них было стремление отомстить за гибель родных и друзей. Если для беглецов из гетто и лагерей характерен мотив выживания – собственного и близких людей (мы убеждены, что в этих

¹⁹ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 153, арк. 1–247; ДАВО, ф. П-425, оп. 1, спр. 25, арк. 1–236.

²⁰ ДАВО, ф. П-7181, оп. 1, спр. 90, арк. 26–30.

²¹ Там само, ф. П-425, оп. 1, спр. 28, арк. 7–8.

²² Учетно-справочные картотеки участников антинацистского подполья (ЦДАГОУ, ДАВО).

случая тоже имеем дело с еврейским сопротивлением, т. к. спасение жизни означало тогда неосуществление планов истребления народа), – то у подпольщиков таковой отсутствует: еврей-подпольщик был обречен дважды.

Кроме вышеназванных общих мотивов, побудивших евреев прийти в антинацистское подполье, были и желание ощутить себя среди своих по убеждениям, опровергнуть миф о несмелости еврея, доказать личную способность к риску, дерзости, успеху.

Какими путями шли евреи в подполье? Как видно из документов, большинство евреев-подпольщиков – местные жители, юноши и мужчины, не достигшие к началу войны призывного возраста либо по какой-то причине не призванные в армию. В немецкой зоне оккупации они чудом избежали участи жертв акций массового уничтожения или им сохранили жизнь как специалистам либо членам их семей. В румынской зоне оккупации большинство подпольщиков составляли жители гетто, представители местного еврейства, оставшиеся на оккупированной территории, родившиеся и выросшие здесь. К этой группе относится и наш респондент²³.

В подпольных группах действовали и те, кто был родом из других мест, но жил и работал на Винничине до войны, и те, кого привели сюда пути депортации из Бессарабии, Северной Буковины, Румынии, бывшие военнослужащие, вырвавшиеся из окружения или плена; евреи, которые добрались в винницкую часть Транснистрии, спасаясь от акций уничтожения в немецкой зоне оккупации Винницкой области и других регионах Украины – беглецы из Киевской, Одесской, Хмельницкой и других областей.

Если антинацистское подполье существовало в гетто, причем в Бершад-и, Жмеринке, Ольгополе, Шаргороде были общины гетто (их руководители в определенной степени способствовали подпольщикам), то какой бы общенациональной ни была идеология противостояния нацизму, в действиях подпольщиков все же присутствовали элементы специфически еврейского сопротивления, выражавшиеся в спасении жизни, сохранении традиционных моральных устоев²⁴.

²³ Говоря о евреях в организованном антинацистском сопротивлении, мы имеем в виду участников советского подпольно-партизанского движения, именуемого коммунистическим (большевистским). Допускаем, что подобная трактовка может оказаться суженной, т. к. на территории Винничины действовали подпольные ячейки и отряды УПА. Исследования Тараса Винцовского (Одесса) и Игоря Микульчи (Молдова) (*Вінцовський Т.С., Мікульча І.Я. Українське самостійницьке підпілля у Трансністрії (1941–1944 рр.) // Укр. іст. журн. – 2007. – № 5. – С. 123–134*) доказывают наличие оуновского подполья в Транснистрии. Но факты участия в украинском националистическом подполье евреев не обнаружены. Поэтому в своем исследовании мы опираемся только на доступные нам в настоящее время данные архивных источников и сознательно идем на сужение «целевой группы» нашего научного интереса.

²⁴ ДАВО, ф. П-425, оп. 1, спр. 45, арк. 311–313; спр. 454, арк. 9–10; спр. 455, арк. 11–12 зв.

Автора интересовало то, как вписались в подпольную работу евреи, ведь они рисковали вдвойне – не возникало ли желания у них и их товарищей избегать опасностей, коль скоро удалось спастись от смерти уже один раз?

Анализ отчетов подпольных групп и организаций, множества свидетельств и воспоминаний, других документов позволяет сделать вывод о том, что евреи принимали участие в различных формах антинацистского сопротивления. В документах отражена причастность ко всем направлениям деятельности подполья: прием сообщений Совинформбюро; составление и распространение агитационных материалов; налаживание работы подпольных типографий; связь между различными группами, подпольем и партизанами; сбор и хранение оружия и боеприпасов; обеспечение партизан медикаментами, продовольствием, одеждой и обувью, денежными средствами; подготовка поддельных документов для беглецов из лагерей, окруженцев и тех, кого преследовали нацисты, подрывная деятельность – саботаж, диверсии, теракты, сбор и передача разведанных за линию фронта, боевые операции.

В 13 организациях и группах, действующих в Жмеринском районе, насчитывалось 330 участников, из них – 32 еврея, большинство из которых действовали в подпольной группе гетто под руководством школьного учителя Арона Гефтера. Группа была подразделением Жмеринской районной подпольной организации «Советские патриоты»²⁵.

Свидетельство Наума Монастырского – единственный документ «устной истории», принадлежащий живому бывшему участнику подпольной группы жмеринского гетто, контакты с которым доступны нам. Ценность и достоверность его свидетельства как исторического источника обусловлена тем, что мы смогли сверить его как с официальными документами послевоенной партийной документации – отчетами, докладными записками о деятельности Жмеринского антинацистского подполья в период немецко-румынской оккупации, так и с другими архивными источниками из разряда документов «устной истории» – свидетельством бывшего руководителя антинацистского подполья Василия Киняева и др.

Вместе с тем взаимно противоречивы показания свидетелей в части осведомленности шефа Жмеринского гетто Гершмана о подпольной группе гетто и его отношении к ее деятельности. Н. Монастырский считает, что к спасению евреев в гетто были причастны только жмеринские евреи, лидеры общины Иосиф Юкелис и Трахтенберг (имя не указано), что община без ведома д-ра Гершмана помогала подпольной типографии, действующему партизанскому отряду (сюда передавали перевязочные материалы, запасы продовольствия и зимней одежды)²⁶.

²⁵ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 22, спр. 168, арк. 5–14; ДАВО, ф. П-425, оп. 1, спр. 25, арк. 130–133, 156, 158–163; спр. 45, арк. 151; спр. 209, арк. 1–10, 12, 14–15.

²⁶ USHMM, RG-31.018 M, reel 6.

А Евгения Лехтман (Гельфонд) вспоминает, что Гершман хорошо знал о том, что подпольная группа Арона Гефтера слушала радио и распространяла сообщения Совинформбюро, и сам живо интересовался новостями²⁷.

Со своей стороны, мы считаем весомым доказательством порядочности и мужества Адольфа Гершмана полученные на допросе по делу обвинения последнего в пособничестве немецко-румынским оккупантам свидетельства бывшего председателя правления еврейской общины Жмеринского гетто Иосифа Юкелиса, который непосредственно подчинялся Гершману и знал о нем очень много. «Я думаю, что Гершман не мог скрыть проживающих в гетто браиловских евреев, так как все евреи, прибывшие из Браилова в гетто, были записаны как браиловские, а Гершман представлял списки жандармерии на всех евреев, проживающих в гетто. Мне известно, что начальник гетто Гершман просил заместителя начальника румынской жандармерии Егорова оставить браиловских евреев в Жмеринке, но жандармерия не согласилась, и Гершману удалось добиться, чтобы оставить часть евреев-специалистов.

В гетто скрывалось около 400 человек военнопленных, бойцов и командиров Советской Армии еврейской национальности, были также люди, сочувствующие и помогавшие партизанам. Я это знаю точно, так как они прибыли к нам в гетто в военной форме, и я выдавал им одежду для замены военной формы на гражданскую»²⁸.

Следователей же НКГБ и военный трибунал НКВД убедили свидетельства, направленные против Адольфа Гершмана, как, например, показания браиловчанина Соломона Зинштейна, утверждавшего, что «Гершман знал, с какой целью румынские оккупанты требуют от него списки браиловских евреев; он имел возможность не заносить всех в список; он якобы мог большую часть людей спасти»²⁹.

Шефа еврейского гетто в г. Жмеринке Адольфа Гершмана признали виновным в пособничестве немецко-румынским оккупантам, и 18 декабря 1944 г. военный трибунал НКВД приговорил его к расстрелу³⁰. Высоко оценивая такие качества Адольфа Гершмана, как уважение к вере предков, чувство ответственности, внутренняя дисциплинированность и мудрость, мы помним о трагедии отданных на расправу браиловчан. Одним из самых вероятных объяснений решения д-ра Гершмана выдать немецким властям беглецов из Браилова считаем его желание соблюдать законы «пикуах нефеш», которые, отражая высокую значимость для иудаизма человеческой жизни, в то же время запрещают спасать ее ценой убийства других невинных людей³¹.

²⁷ ДАВО, ф. Р–6121, оп. 1, спр. 28, арк. 5.

²⁸ USHMM, RG-31.018 M, reel 6.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid.

³¹ Телушкин Й. Еврейский мир. – М., 1992. – С. 435.

Об антинацистском подполье в Жмеринском гетто свидетельствует также ряд советских и румынских архивных источников. Из донесения румынского военного прокурора Франка Георге о раскрытии органами сигуранцы подпольной организации в Жмеринке от 6 октября 1943 г.: «...В городе Жмеринка Могилевского [уезда] органами сигуранцы была раскрыта организация партизан с малыми группами в соседних селах. После обыска была конфискована печать с вырезанными на ней словами “Революционный комитет. Жмеринка”. Ими было начато печатание газеты “Красный партизан”, которую распространяли среди населения. Целью организации была дезорганизация работы предприятий Жмеринки и железнодорожного узла, нападение на румынских и немецких солдат, которых обезоруживали. Главным заданием организации было нанесение удара в спину румыно-немецкой армии. Руководство этими мелкими группами осуществлялось комитетом организации, имевшим в своем распоряжении оружие, радиоприемник и типографский материал...»³².

В составленном в июле 1944 г. бывшими руководителями жмеринского подполья Василием Киняевым и Иосифом Козловским отчете о деятельности подпольной организации «Советские патриоты» (в котором достаточно полно отражены направления деятельности подпольщиков-евреев: прием и распространение сводок Совинформбюро; издание и распространение газеты «Красный партизан», сбор оружия, участие в диверсиях на железной дороге и т.д.) подчеркивалось, что личное оружие для всех членов районного подпольного комитета и редакции газеты было закуплено через подпольную группу гетто.

В июле 1943 г. жмеринское подполье потерпело провал, многие его участники были арестованы румынской сигуранцей. Переполненная Жмеринская тюрьма получила от оккупантов название «партизанской». 56 участников жмеринского подполья были расстреляны, замучены в пыточных камерах тираспольской тюрьмы – среди них руководитель подпольной группы гетто Арон Гефтер, участник Яков Лойзнер, изготовивший клише для газеты «Красный партизан», печать организации и др. Вместе с тем, в документах о деятельности жмеринского подполья – справках, отчетах, составленных Василием Киняевым в 1944 г., деятельность подпольной группы гетто он называет «второстепенной по причине вполне понятной» – понятной тогда для В. Киняева и партийных органов, куда передавались отчетные документы. О трагедии евреев в годы Холокоста сталинская идеология и цензура запрещала говорить – тем более, об активном участии узников гетто в антинацистском сопротивлении...

³² Архив общественно-политических организаций Республики Молдова, ф. 706, оп. 1, д. 621, ч. I, л. 45-46.

Впоследствии, в 1960-е гг., когда уточнялись списки участников антинацистского подполья в период немецко-румынской оккупации, руководитель жмеринских подпольщиков написал: «Участники подпольной группы в условиях гетто делали все что могли в борьбе с оккупантами...», а в письме автору этих строк, написанном 15 января 2000 г., дал высокую оценку вкладу подпольщиков гетто в общее дело борьбы с нацистами. «Мы часто рисковали жизнью, но наши товарищи из гетто были дважды подпольщиками. Они ко всему еще за колючей проволокой, и мы об этом не должны забывать. Мы не привлекали их к террористическим актам, но работа, которую они выполняли для нашей организации, была не менее важна, хотя в отчете некоторые аспекты деятельности подпольщиков из еврейского гетто отражены в разделе “Второстепенная деятельность организации”... В послевоенные годы многое переосмыслено...». Давая оценку деятельности отдельных подпольщиков из Жмеринского гетто, он пишет о нашем респонденте: «...С Наумом Монастырским меня познакомил Абрам Винер в конце 1942 или в начале 1943 года, сказав при этом: “Наум – молодой, но сильный парень, он тебе пригодится”. И действительно, вскоре он стал делать много полезного для меня лично и для всей нашей организации. Он принес мне маленький, но хороший пистолет. В этот же день мы назначили вторую встречу, и Наум принес бельгийский браунинг. Эти пистолеты он похитил из вагона-общезития, предназначенного для немецких офицеров. Наум никогда не носил шестиконечной заплаты – магендавида, несмотря на то, что жил в гетто. Он довольно-таки смело ходил по городу. Я неоднократно напоминал ему об осторожности, а он угрюмо отвечал: “Да знаю я...”. Через некоторое время он похитил еще один пистолет, а в начале 1943 года передал мне патроны для немецких пистолетов калибром 7,92 мм...»³³.

Уважаемая Фаина Аврамовна! [...] Нелегко ворошить прошлое, беречь незаживающие раны. Но в пережитом есть и светлые страницы – это люди, подпольщики, которые, находясь в неволе, за колючей проволокой гетто, несмотря на все тяготы и лишения, боролись с фашизмом, и я очень рад, что мой скромный вклад внесен в правое дело – Победу над врагом. Тяжело вспоминать, но постараюсь ответить на все ваши вопросы. Родился я в Жмеринке, легендарном шолом-алеихемовском местечке. Родители мои, Петр Липович и Рахиль Иосифовна Монастырские, были честными тружениками. Отец – служащий в местном отделении Юго-Западной железной дороги, мать – счетный работник. Обыкновенная скромная еврейская семья,

³³ ДАВО, ф. П-425, оп. 1, спр. 210, арк. 1–16; спр. 211, арк. 1–32; спр. 212, арк. 1–85; спр. 214, арк. 1-21; ф. Р-6121, оп. 2, спр. 5, арк. 1-55; спр. 7, арк. 1-40; спр. 9, арк. 1–4.

каких много было в местечке. Жили, растили детей. Кроме меня, была еще старшая сестра Сима, Симочка...

1941-й... В нашу жизнь ворвалась война. Родители и сестренка пытались эвакуироваться, но в районе Первомайска немцы разбомбили состав... Слава Богу, остались в живых. Долгое время добирались домой, в Жмеринку. Дом, где жила до войны наша семья, был занят чужими людьми, имущество разграблено. Эту участь разделили и другие жмеринчане, сделавшие попытку уехать на восток. Моих родителей приютил старый друг отца, живший в районе роши Белинского, вне гетто, на украинской территории. Сестренку приютила одноклассница, жившая с матерью в этом же районе.

В начале 1942 г., когда на украинской территории начались облавы (молодежь угоняли в Германию), Сима вместе с подругой-украинкой переселилась в еврейское гетто, образованное румынскими оккупантами и местными украинскими властями в октябре 1941 г. Поселилась у наших родственников, Шухманов. Когда облавы прекратились, Наташа, подруга Симы, вернулась домой.

Сестра оставалась в гетто, где ее, как и других трудоспособных, использовали на тяжелых работах, вскоре туда же перебрались родители. Так моя семья оказалась за колючей проволокой, разделив со жмеринчанами-евреями судьбу узников гетто и голод, болезни, побои, тяжелый подневольный труд.

Мне судьба уготовила другую участь. Путь мой к родному дому, в Жмеринку, лежал через могильный ров на окраине Браилова, что на немецкой территории.

...Летние каникулы 1941 г. я проводил в Виннице, в семье маминой сестры Мани. Целыми днями пропадал с мальчишками на реке, вечером – парк, спортивные состязания. Очень любили меня двоюродные сестренки Эмма и Ида, мои ровесницы. Дядя Володя, муж маминой сестры, кадровый офицер, когда бывал свободен, катал нас на лодке, рассказывал увлекательные истории... Что еще такому пацану, как я, нужно?.. Последнее счастливое лето моего отрочества. Буквально за несколько дней до начала войны дядю перевели служить в другой город. На прощание он сказал: «Если что случится и нужно будет уезжать из города, обращайтесь к военному коменданту». Больше я его не видел.

Я знал, что мои родители с сестрой собираются эвакуироваться в Барнаул (там жили наши родственники), туда же собиралась ехать тетя Маня с девочками. Решили: я еду с ними, нужен же в семье мужчина!

В городе началась паника – эвакуация! Катастрофически не хватало вагонов, многие паровозы, пришедшие с Казатинского и Жмеринского депо, были неисправны. Обещанный военкомом транспорт не пришел. Случилось так, что мы остались в Виннице, не успели... Первые месяцы оккупации города

уже показали, что такое «новый немецкий порядок». Девятнадцатого сентября 1941 г. фашисты и их пособники совершили очередное злодеяние, акцию уничтожения евреев. Тетю с сестричками забрали из дома, мне же чудом удалось бежать... Мои родственники разделили трагическую участь винницких евреев. Они были уничтожены фашистами в могильных ямах за Литинским шоссе.

Я выбрался из города поздним сентябрьским вечером. По дороге встретил мужчину лет 40, он назвался Степаном, говорил, что военнопленный, бежал из уманского лагеря, потом с Винницкой швейной фабрики, где в то время работали и евреи, и военнопленные. С ним мы договорились, как стемнеет, пробираться в Жмеринку. Передвигались пешком, шли, в основном, ночами, искали партизан. Но, увы, на окраине Браилова напоролись на засаду полицаев. Избиения, допросы, потом нас бросили в подвал, там было уже несколько арестованных. Так прошло два дня. На третий нас вывели из подвала на улицу, велели встать в колонну людей, охраняемую эсэсовцами с собаками и вооруженными полицаями. В колонне было много браиловских евреев – стариков, женщин, детей и несколько человек в рваных гимнастерках, очевидно, беглецов-военнопленных. Сзади колонны – две подводы, на них лежали какие-то предметы и люди, больные, которые не могли передвигаться пешком. По дороге полицаи избивали нас плетками. Колонна двигалась к кладбищу – нас вели на расстрел.

У могильной ямы разыгралась страшная трагедия. Начался крик, женщины рвали на себе волосы, на пороге смерти люди сходили с ума. Палачи запустили патефонные пластинки, но крик обреченных вырывался из этой какофонии и возносился к небесам. Слышал ли его Бог? На краю ямы Степан обнял меня за плечи, прижал к себе. Раздалась пулеметная стрельба, кто-то навалился на меня, я потерял сознание и упал в яму.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я очнулся. Дикая боль в голове, удушающий запах хлорки... Уже придя в сознание, я увидел рядом лицо моего спутника, жаль, что, кроме его имени, я ничего о нем не знаю. Это он прикрыл меня собой. Он в подвале кричал полицаям: «Не бейте пацана!». Он был рядом и в колонне, и здесь, у могильной ямы.

Освобождаясь от лежащих на мне трупов, я пробирался сквозь груды людских рук, ног, тел – наверх, к свету... Выбрался из ямы на поверхность. Ночь, тусклый свет луны... От холода меня сильно знобило, удушливый запах вызывал кашель. Я пополз к кустарнику, единственной растительности поблизости этого ада. Подобрал какие-то детские трусики и блузочку. Попробовал все это натянуть на себя. Трусики лопнули, а блузку как-то удалось надеть.

Первое время в Жмеринке события этой ночи часто возвращались ко мне, я вскакивал и кричал по ночам. Я гнал эти воспоминания прочь, старался не говорить об этом с родными и друзьями, потом с женой и детьми. Мне каза-

лось, что, если я воспроизведу в памяти эти события еще раз, мое сердце не выдержит. И вот спустя более чем полвека я снова возвращаюсь в те страшные годы. Описываю шаг за шагом, событие за событием. Вспоминаю для того, чтобы эта трагедия больше не повторилась...

Что же было дальше?

Когда я полз к кустарнику, то никого не видел. Но вдруг из-за него вышел мужик средних лет. Уже потом он сказал мне, что, услышав кашель, затаился в кустарнике.

– Ти, мабуть, у сорочці народився, – сказав он. Я молча дрожав від холода і страху. Он бросил мне какой-то бушлат и пояснил: – Це не тому, що тебе не розстріляли, а тому, що не спалили.

После этой акции полицаи должны были сразу же залить яму соляркой или бензином и зажечь, а потом засыпать землей. Но то ли полицаи перепились, то ли горячее вовремя не доставили. Мужик посмотрел на часы:

– Зараз мають під'їхати, – многозначительно сказав он и спросил, что я думаю дальше делать.

Как у меня сработала мысль, до сих пор понять не могу. Я стал просить его не выдавать меня: будто в Жмеринке у меня есть родственники и за меня ему хорошо заплатят. Мужик оказался полицаем, а на место расстрела ночью пришел грабить, искал не забранные еще ценности, выдергивал у трупов челюсти с золотыми зубами. Жадность взяла верх, и полицай, подумав, сказал: «Як я тебе вб'ю, ці трупи за тебе нічого не заплатять. Отож, пішли зі мною».

На следующий день меня, переодетого под сельского мальчонку, усадили на повозку с сеном; лошадежкой правила жена полицая. Вот и мост через реку, разделяющий немецкую и румынскую территории, посты, состоящие из немцев и украинской полиции. Жену полицая хорошо знали, она часто ездила в Жмеринку на базар. Я сошел за ее племянника. Женщина вытащила из бидона, который лежал на повозке, бутылку самогона. Постовой полицай махнул рукой, и немец поднял шлагбаум. Мы проехали на румынскую территорию. По дороге женщина тараторила без умолку. Рассказала, что ее старший сын служит в жмеринской полиции и «ми все робимо для того, щоб знищити жидів та комуністів».

Перед въездом в Жмеринку опять был шлагбаум, а слева – корпуса районной больницы (когда-то это была земская больница). У поста женщина показала полицая какие-то бумажки, сын ее, видно, тоже был полицейским начальником. Нас пропустили без заминки, даже предложенную бутылку самогона не взяли. Постовой заметил, что сын ее лежит в больнице, его недавно прооперировали. Женщина запричитала, повернула телегу к больничному крыльцу. Там стояло много подвод, телег, сельчане приехали проведать своих родных, знакомых, лежащих в больнице. Привязывая лошадь, жена полицая сказала:

– Я з тобою нікуди ходити не буду, піду до сина, він когось викличе або, якщо зможе, піде сам з тобою до твоїх родичів. Якщо в них не буде грошей, хай дають золото або інші цінні речі. Сиди тут і чекай мене, не думай тікати. Все одно знайдемо і вб'ємо.

А я ведь ничего не знал о судьбе моих родных, тем более тех, кто мог купить меня, не предполагалось. Всю дорогу я думал, как мне сбежать, и вот такой случай представился. Когда жена полиция вошла в больницу, я оставил на повозке телогрейку, в которую был одет, взял бутылку самогона и тоже направился к одному из больничных корпусов. Обойдя его и перепрыгнув через невысокую ограду, оказался на одной из жмеринских улиц. Город я знал хорошо и очень скоро оказался уже далеко от больницы, закоулками ходил вокруг дома, где жила до войны наша семья. Но подойти к нему не решался. Страх поселился в моей душе. Уже темнело, я остановился возле одной из хат, залаяла собака. У вышедшей на крыльцо хозяйки, пожилой женщины, я попросил воды. Видя, с какой жадностью я пью воду, она спросила: «Ти, мабуть, і їсти хочеш, звідки ти йдеш?»

– Я не голодний, а йду з лікарні.

– Ні, хлопче, ти, мабуть, звідти, – заметила она, показав в сторону Браилова. – Ти єврейський хлопчик, втікач.

Я хотел было убежать, но хозяйка остановила меня.

– Ти в село не йди, там німці. Йди в місто, там румуни. Євреїв не вбивають, їх переселили в гетто, що у центрі Жмеринки. Тобі треба добиратися туди.

Она вынесла мне два больших пирога с горохом и, перекрестив, сказала: «Йди з Богом».

Добрая женщина дала мне примерные ориентиры гетто, но я не знал, как пробраться на его территорию, есть ли там охрана, колючая проволока, проходит ли по ней ток. Ночь просидел в развалинах какого-то дома, а наутро, чуть рассвело, пробрался к колючей проволоке. Убедившись, что по ней не проходит ток, вырыл под проволокой небольшую ямку и оказался в гетто на базарной площади. Все было спокойно, люди уже собирались на работу. Первый, кого я встретил в гетто, был Абрам Зельманович Винер. Он знал моих родных еще с довоенного времени.

– Но где они сейчас, мне неизвестно. Поживешь у меня, пока не отыщутся твои, – сказал дядя Абрам.

Я прожил в его доме некоторое время. Немного оправившись от пережитого, стал ходить вместе со взрослыми на работу. Нас выводили под конвоем с территории гетто строем, вечером той же колонной мы возвращались. На дороге разгружали и рассыпали щебень, выполняли работы на вокзале, где была немецкая комендатура. Жмеринка – крупнейший железнодорожный узел,

и станция была под контролем немцев, несмотря на то, что сам город и часть района справа от Буга вошли в территорию Транснистрии. Кроме того, в городе стояли итальянские союзнические части.

Когда в гетто пришла сестра Сима, она еще некоторое время жила у Шухманов, а потом мы вместе с ней переселились к нашим родственникам Штейнрудам. Я продолжал поддерживать тесную связь с Абрамом Зельмановичем Винером, часто заходил к нему домой, еще не зная, что уже в то время он был активным подпольщиком и состоял в организации «Советские патриоты».

Случай стать полезным подполью был связан с работой на станции Жмеринка, куда ежедневно брали меня из гетто. В здании железнодорожного вокзала размещались немецкие военные подразделения. В двух комнатах располагался узел связи, там было много морзянок, пишущих машинок, «телефункенов», и еще много всякой аппаратуры, которой я никогда не видел. Эту аппаратуру обслуживали три немца и одна средних лет женщина, приезжавшая откуда-то один раз в неделю. Появляясь, она запиралась с немцами в комнате, где стояли незнакомые мне аппараты. Чем они там занимались, о чем говорили, я не знал. Моя работа заключалась в том, чтобы во время перерыва сделать тщательную уборку: вымыть щеткой пол, надраить паркет, вытереть аппаратуру и столы и даже сжечь бумаги, которые мне давали. Еще входило в мои обязанности чистить немцам обувь, быть рассыльным. Я ходил по территории вокзала, разносил какие-то пакеты, газеты, письма. С работой я справлялся неплохо. Каждые два дня мне давали булку хлеба, кусок колбасы, а иногда и шоколад.

Один из трех немцев хорошо говорил по-русски, звали его Отто. Он почти всегда ходил в гражданском костюме, на лацкане пиджака, с левой стороны, носил значок альпиниста, а на этом же месте под лацканом – значок тайной полиции. Частенько он интересовался моей персоной. Двое других, Карл и Шульц, были менее любопытны, но, когда я делал уборку и сжигал мусор, бумаги, которые надо было уничтожить, тщательно просматривались.

Я рассказал о своей работе Абраму Винеру. Казалось, он слушал меня с явным безразличием, но это было не так. Мой рассказ заинтересовал его. Спустя несколько дней, состоялась моя первая встреча с Ароном Гефтером – руководителем подпольной группы гетто, входившей в организацию «Советские патриоты».

Он был старше меня лет на 10, хорошо знал нашу семью. До войны учился в одной школе с моей старшей сестрой, не раз бывал у нас дома. Меня Арчик (так его все называли) помнил совсем еще пацаном. В моей памяти он остался как смелый, решительный, но в то же время скромный человек, патриот, яростно ненавидевший врагов. В первую встречу, которую, несомненно, устроил Абрам

Винер, между нами состоялся совершенно отвлеченный разговор. Незаметно для себя я подвергся тщательной проверке на доверие, честность и на то, что я способен сделать в борьбе с нацистами. В конце концов Арчик, как руководитель группы, Абрам Винер, Яша Лойзнер, Яша Дайничев дали добро на мое участие в подпольной группе гетто.

И вот первое поручение. Нужно было узнать, откуда приезжает женщина на узел связи, где я работал, куда уезжает, что составляет ее багаж, кто ее сопровождает. Задание было выполнено. Потом было еще много всяких поручений. Использованную копировальную бумагу, на которой оставался шрифт, иногда удавалось спрятать: я приносил обыкновенную бумагу и сжигал ее, а копиру уносил с собой. Риск был большой, а поручение, на первый взгляд, пустяковое.

Пережитое в Виннице и в Браилове вызывало во мне ненависть ко всему немецкому, румынскому, итальянскому, чувство мести росло во мне, а вместе с ним вырос и я...

Осенью 1942 г. я был представлен Василию Васильевичу Киняеву – одному из организаторов и руководителей жмеринской антифашистской организации «Советские патриоты». Жмеринские подпольщики осуществляли диверсии на железной дороге, сыпали песок в боксы вагонов, уже проверенных немцами. Наши люди в паровозном депо изготавливали и устанавливали такие приспособления, что, пройдя несколько десятков километров, тормозные колодки заклинивались, и на большой скорости состав переворачивался. Я знаю о двух таких диверсиях. Портили все, что могли: путевое оборудование, станки и механизмы в депо и многое другое... Все эти диверсии осуществлялись при помощи и активном участии деповских рабочих Акимова, Петренко и других.

Имея возможность свободно ходить по вокзалу, я собирал сведения о движении поездов, эшелонов с живой силой и техникой, о направлении их следования, характере груза, роде войск, количестве эшелонов. Все это фиксировалось у меня в памяти. Потом зашифрованную записку я передавал связной, тут же на вокзале. На своей работе я делал безуспешные попытки конфисковать у фашистов радиолампы, запчасти для передатчиков, приемников. Это все было очень важно для нашей подпольной организации.

По заданию подпольного комитета антифашистская группа гетто добывала оружие и боеприпасы, взрывчатку. Вспоминается операция, в которой я, тогда 14-летний подросток, принимал непосредственное участие. Однажды январским днем 1943 г. Шульц, немец из узла связи, который я обслуживал, послал меня в вокзальный медпункт, чтобы помочь медсестрам в связи с прибытием санитарного поезда.

– Закончишь там работу и вернешься домой в гетто, – сказал он.

В вагонах санитарного поезда было много тяжелораненых немцев. Меня и еще двух медсестер заставили мыть туалеты, заносить в вагоны пакеты с медикаментами и выносить оттуда какие-то ящики. При этом мне удалось увести у храпящего, вдрызг пьяного охранника поезда пистолет и две обоймы патронов к нему, из каптерки проводника – расписание поездов и сведения с какого-то участка фронта. Все это я незаметно вынес под фуфайкой, у меня там была специально сделана двойная подкладка. Пистолет с обоймами я, конечно, передал Василию Васильевичу Киняеву – тогда я уже был с ним лично знаком.

По заданию подпольного комитета на территории гетто, в пустом полуподвальном помещении, была организована подпольная типография. Руководители жмеринского подполья В.В. Киняев, К.С. Гришин, Р. Ручинский много сделали для ее успешной и результативной работы. Подпольщики из гетто Яков Лойзнер, Арон Гефтер и другие наши товарищи изготовили клише и штампы для газеты «Красный партизан», были среди нас и специалисты-полиграфисты – такие как Григорий Гельман. Газета выходила каждые 2–3 дня со сводками Совинформбюро. Печатались листовки, воззвания, которые распространялись по городу и всему Жмеринскому району. Одним из моих заданий было распространение газеты и листовок, которые я получал непосредственно от Константина Сергеевича Гришина, редактора «Красного партизана». ...В связи с приходом в Жмеринское гетто евреев из Польши, Румынии, Бессарабии и Северной Буковины и с целью еще большей конспирации подпольная типография была вынесена за пределы гетто на так называемую свободную территорию.

Подпольщики гетто, в частности, Лойзнер, Гельман, Гефтер, Эппель, были непревзойденными мастерами по изготовлению фальшивых документов, печатей, всевозможных бланков, удостоверений, пропусков, так необходимых для деятельности нашего подполья.

Всего не опишешь. Наверное, данные о моем скромном вкладе в общую борьбу с нацизмом и вообще о деятельности «Советских патриотов» и группы гетто в частности зафиксированы в отчетах В.В. Киняева, переданных в Винницкий обком партии, и хранятся в соответствующих архивах. Скажу только, что уже после войны, благодаря ходатайствам Василия Васильевича, многие наши товарищи по подполью, и я в том числе, были награждены боевыми наградами Родины.

Параллельно с нашей группой в гетто действовала хорошо законспирированная группа сопротивления, которой руководили Лейфер и Губчик. Эта группа была непосредственно связана с партизанским отрядом им. В.И. Ленина: переправляла партизанам оружие, одежду, медикаменты. Были в ней и связанные, выполнялись другие поручения командования отряда. Многие подпольщики

из этой группы впоследствии ушли в лес, в действующий отряд. В основном ее составляли бывшие военнопленные, попавшие в гетто.

Во второй половине 1943 г. при содействии подпольных групп гетто еврейская община, которой руководили Иосиф Юкелис и Трахтенберг (не помню имени), закупила и отправила в действующий отряд большое количество перевязочного материала, зимней одежды, продуктов питания. Общиной оказывалась материальная помощь и подполью, кроме того, подпольному комитету «Советских патриотов» неоднократно передавался полиграфический материал для подпольной типографии и многое другое.

Шефом гетто был буковинский еврей доктор Адольф Гершман. Несомненно, в том, что в Жмеринском гетто спаслось много людей, бежавших от акций на немецкой территории, была его заслуга. Но шеф гетто был своеобразным человеком, он ведь не был советским евреем, и у него был совершенно другой менталитет. Его трость не раз «гуляла» по плечам узников (так он наказывал тех, кто, на его взгляд, нерадиво относился к работе или нарушал режим гетто, однажды и мне досталось от него)... Образ жизни он вел для нас непонятный: и жена у него была, и любовницы. И самое страшное, на мой взгляд, – он и Тефнер выдали немцам брайловских евреев, расстрелянных в апреле 1942 г., или не сделали всего, что можно было предпринять для их сокрытия и спасения.

Конец 1943 г. – начало 1944-го. Приближался светлый день освобождения. Вместе с этим росла паника среди оккупантов, враг все больше свирепствовал и ожесточался. Еще летом 1943 г. произошел провал нашей организации. Многие жмеринские подпольщики были арестованы и заключены в тираспольскую тюрьму. Восемнадцать патриотов-жмеринчан были расстреляны румынскими оккупантами в декабре 1943 г.

Спустя некоторое время оккупантами был расстрелян подпольщик из Жмеринского гетто Яков Лойзнер. Арчик Гефтер был осужден румынским полевым судом на 20 лет каторжных работ, но при передаче тюрьмы отступающими румынскими частями немцам его расстреляли. Вечная им память!

Фронт приближался. И опять в ход пошли листовки, воззвания к населению не сеять панику и помогать Советской Армии уничтожать живую силу и технику врага. Наши отважные девушки из гетто Роза Креймер, Женя Лехтман и другие печатали и помогали нам распространять эти листовки. Активно проводили эту работу Лева Клейман и Макс Фарбер.

В январе 1944 года советские войска дважды пытались взять город, разведкой боем освободить Жмеринку, но враг был еще силен...

19 марта в город вошли части нашей армии-освободительницы. В уличных боях участвовало много еврейской молодежи из гетто, многие ушли дальше на запад, влившись в ряды Советской Армии. Так и не вернулись домой с

фронтов войны храбрые ребята Лева Лейбович, Аврам Басс, Шома Креймер, Байбик и другие.

После войны жизнь моя сложилась обычно. Закончил школу, отслужил срочную службу в армии, учился, стал зубным техником, создал семью. Мы с женой вырастили двух дочерей, трое внуков. Судьба забросила нас в Цюрупинск, где мы и живем сейчас. А дети, словно ласточки, разлетелись из родительского гнезда. Рая с семьей живет в Сибири, в Братске; Полина с семьей – в Киеве. Слово листы календаря опадают, уходят годы: позади мое семидесятилетие, я еще в меру сил тружусь, стараюсь быть нужным и полезным людям.

Ночами не спится – думаю, вспоминаю. Вот она, колючая проволока гетто, мои соратники, узники и борцы одновременно – Абрам Винер, Яша Лойзнер, Арчик Гефтер – дорогие мои земляки...

Есть у меня мечта, которую обязательно постараюсь осуществить. Хочу еще раз приехать на родину, поклониться дорогим могилам в Виннице, Браилове, где покоятся родные и близкие, побродить улочками Жмеринки, где было еврейское гетто, встретиться с Вами и Василием Киняевым, говорить, вспоминать, размышлять о былом...

11 августа 1999 г.

Наум Петрович Монастырский [подпись].

ДАВО, ф. Р-6121, оп. 2, спр. 48, арк. 1–44.

Оригиналы. Рукописи. Машинопись. Фотоотпечатки.

*Публикация, вступление и примечания
Фаины Винокуровой.*

Наум Петрович Монастырский, 1962 г.

Удостоверение о награждении Н.П. Монастырского нагрудным знаком «Партизан Украины 1941–1945 г.» от 29 сентября 2002 г.

УЗ 41

УТВЕРЖДЕН
 постановлением Президиума
 Верховного Совета СССР
 11 июля 1961 г.

Форма
Винницкая область, УССР.
 область, край, республика

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя, отчество **МОНАСТЫРСКИЙ Наум Петрович**

2. Должность, профессия, звание и место работы, службы (указать точное наименование цеха, отдела предприятия, учреждения, организации) **Зубной врач Цюрупинской райбольницы, Херсонской области.**

3. Пол **мужской** 4. Год и место рождения **1928 г. в городе Хмеринке**

5. Национальность **еврей** 6. Партийность **беспартийный**

7. Образование **среднее медицинское**

8. Какими орденами и медалями награжден (а) и дата награждения:
наград не имеет

9. Домашний адрес: **г.Цюрупинск, ул.Крылова 2, Херсонская область, УССР.**

Наградной лист о представлении Наума Монастырского к награждению медалью «За боевые заслуги» от 13 марта 1969 г. (ЦДАВОУ, ф.1, оп. 24, спр. 5827, арк. 43-43об.).

4316

Краткая характеристика и заслуги, за которые представляется к наградам

До Великой Отечественной войны т. Монастырский Н. П. учился в 6 классе средней школы города Жмеринки. Эвакуироваться семья не могла, т.к. отец Монастырского был инвалидом.

С началом оккупации Монастырский в школе больше не учился и помогал своему отцу, который занимался портняжным промыслом.

В 1942 году Монастырского Н. П. оккупанты начали гонять так называемого еврейского гетто в город и на железную дорогу различные работы.

В декабре 1942 года тов. Монастырский наладил связь с подпольной организацией "Советские патриоты", где находился с июля 1943 года. Несмотря на свой молодой возраст стал ее активным членом.

По заданию комитета Монастырский работал в расположении немцев, сумел похитить немецкий пистолет, а через некоторое время таким же путем дважды доставал патроны к пистолетам. Пистолет и патроны Монастырский передал комитету подпольной организации.

Монастырский также распространял антифашистские листовки среди населения. В борьбе с немцами Монастырский проявил себя храбрым и находчивым подпольщиком.

В настоящее время т. Монастырский добросовестно трудится в цюрупинской райбольнице в должности зубного врача.

Представляется к награждению орденом, медалью "За боевые заслуги"

Секретарь обкома КП Украины М. П. [подпись] В. ТАРАТТА

Председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся [подпись] В. ТАРАТТА

ИЗДАНИЕ 1969 г.

Виноблатинотрофия, з. 2995, т. 3000, 26-IV 1967 г.